

Щепкин
М.С.

28/III-87

Из блокнота театрала

П О Р Т Р Е Т

Всякий раз, бывая в московском Малом театре, я замечаю, как зрители стоят в фойе перед портретом Михаила Семеновича Щепкина.

Великий артист представлен на нем во весь рост, в широком длинном пальто, с цилиндром и платком в одной руке и суковатой тростью — в другой. У него чуть-чуть прищурены глаза, а взгляд приветливый, добрый. Впечатление такое, будто Щепкин всматривается в наши лица.

Портрет написал Илья Ефимович Репин. Не мог не написать. Слишком долго и много думал он об этом удивительном человеке, истинном рыцаре сцены.

После монументальных портретов Модеста Петровича Мусоргского и Льва Николаевича Толстого очередную тему подсказала сама жизнь.

Приближалось 25-летие со дня смерти М. С. Щепкина. Казалось, только его не хватало в могучей репинской галерее портретов современников. Художник принялся за работу, и в 1888 году портрет был написан. Уже в следующем году на очередной, XVII выставке художников-передвижников Репин выставил новую свою работу.

Вскоре после выставки Илья Ефимович встретился с артистом Павлом Матвеевичем Свободным, блиставшим в свое время на сцене петербургского Александринского театра.

Интересным человеком был Павел Матвеевич, добрым и отзывчивым. Со страданием к нуждающимся, желание помочь им было всегда искренним и составляло едва ли не

важнейшую черту его характера. Именно это качество привело Свободина в русское театральное общество, созданное по инициативе Марии Гавриловны Савиной. Правда, название его казалось некоторым несколько странным — «Общество для пособия нуждающимся сценическим деятелям», однако именно благотворительная организация стала основой будущего театрального общества в России.

Павел Матвеевич Свободин стал секретарем «Общества для пособия...», и тогда состоялась его встреча с И. Е. Репиным.

После обычного обмена взаимными любезностями Павел Матвеевич заметил:

— Видел, Илья Ефимович, вашего «Щепкина». Потрясен, потрясен. Какая человечность и жизненная сила заключена в нем. Сказать, что Щепкин — живой, значит, выразить смысл картины наполовину. Он не просто живой, а весь в действии. Михаил Семенович идет к нам навстречу, и хочется тут же протянуть ему руку.

— Значит, нравится? — сквозь улыбку спросил Репин.

— Очень, очень нравится, — восторженно отвечал Свободин.

— А ведь знаете, я решил внести свой вклад в дело вашего общества и подарить эту картину.

— Вы серьезно? — неуверенно произнес Павел Матвеевич.

— Серьезней не бывает, — сказал Репин. — Общество может продать картину и распорядиться деньгами по своему усмотрению. Буду несказанно рад, если она реально

послужит нуждающимся. Присылайте за нею.

Но вот неожиданное препятствие! Общество даже своего угла не имело. Единственный стол секретаря уютился в общей комнате редакции журнала «Осколки» — и то по милости редактора Н. А. Лейкина. Привозить сюда портрет было невозможно. Что же делать? Писатель Алексей Антипович Потехин, числившийся председателем общества, только махнул рукой, давая этим понять, что хлопоты ему ни к чему.

Павлу Матвеевичу оставалось одному доводить дело до конца. Мечтой его было видеть портрет Щепкина в Малом театре, за которым укрепилось название Дома Щепкина. Дело, однако, осложнялось тем, что купить портрет дирекция театров могла только по высочайшему повелению.

А тут появился меценат, пожелавший приобрести репинский портрет. Не мог Свободин допустить, чтобы такое произведение попало в чужие руки. Он обивал пороги дирекции, пока картина с большим трудом не была приобретена, да и то в рассрочку.

Наконец, настал день, когда из петербургской мастерской художника портрет Щепкина был перевезен в Московский Малый театр, где живет и поныне.

Павел Матвеевич Свободин приезжал из Петербурга в Москву, подолгу стоял в Малом театре перед портретом и ощущал на себе благодарный, приветливый, добрый взгляд Михаила Семеновича.

Дмитрий БРУДНЫЙ.

28 MAR 1987

ВЕЧЕРНЯЯ МОСКВА
Г. МОСКВА

225